

Елена
Арсеньева

Госпожа
сочинительница

Исторические
новеллы
любви

Госпожа сочинительница

Елена Арсеньева

Дама из городка (Надежда Тэффи)

«ЭКСМО»

Арсеньева Е. А.

Дама из городка (Надежда Тэффи) / Е. А. Арсеньева — «Эксмо»,
— (Госпожа сочинительница)

ISBN 978-5-425-02727-6

Главное предназначение женщины – заботиться о муже и детях, вести домашнее хозяйство. А если этого мало? Если в сердце горит огонь творчества, если любовное чувство выражается в виде поэтических строк? Для таких дам один путь – заняться литературой. Но на этом пути встречается столько терний и невзгод, что судьбам поэтесс позавидовать трудно. И все же – они прекрасны! О том, как жили и творили Зинаида Гиппиус, Каролина Павлова, Марина Цветаева и другие, прославившие себя в веках поэтессы, читайте в исторических новеллах Елены Арсеньевой...

ISBN 978-5-425-02727-6

© Арсеньева Е. А.
© Эксмо

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Елана Арсеньева Дама из городка (Надежда Тэффи)

О мертвых, как известно, или – или. Или хорошо, или плохо... то есть, извините, или ничего. Или ты после смерти Цезарь, или никто. Ну а если умирает дама, то она, как жена этого самого Цезаря, должна быть после смерти выше подозрений: выше не то что неприличных слухов, но даже самых легких намеков!

Когда умерла эта дама, слух пошел... Да еще какой!

– Вы были на кладбище, видели ее могилу? – спрашивал некто тоном глубокого при-
скорбия, каким принято говорить о смерти – не столько потому, что безумно жаль усопшего,
сколько потому, что и о нем когда-нибудь станут говорить таким же тоном, а ведь это ужасно,
господа...

– Нет, – отвечал его собеседник, чувствуя, как у него портится настроение. Как оно
портится у всех при упоминании кладбища, оттого что все там будем.

– Значит, вы не знаете, какую написали ей эпитафию? – уточнял некто.

– Нет, не знаю. Ну и какую же? – из чистой вежливости поддерживал неприятный
разговор собеседник.

Тогда некто озирался по сторонам, словно опасался посторонних ушей, и страшным
шепотом, каким сообщают великие тайны, произносил:

– Эпитафия такова: «Здесь лежит Тэффи. Впервые – одна».

В первую минуту воцарялось потрясенное молчание, потом слышался некий звук,
который при переизбытке воображения можно было принять за сдавленное рыдание, ну а
потом некто и его собеседник пожимали плечами и шли в ближайшее быстро выпить по
рюмочке – на помин ее души, как водится. Повод-то был печальный, но оба отчего-то чув-
ствовали, что им стало веселее при одной только мысли о той, за чью душу они сейчас ста-
нут пить.

Такая уж это была дама, что при одной только мысли о ней становилось веселее сот-
ням тысяч людей! Нет, не из-за ее амурных походов! Имена ее многочисленных любов-
ников достоверно неизвестны – ну, за исключением разве что одного-двух... пяти, ну, там
семи-восьми... десяти... Проще было сказать, не боясь ошибиться: она-де не пропускает
ни одного мужчины, чтобы не соблазнить или хотя бы не попытаться соблазнить его (вер-
нее, мимо нее не может пройти ни один мужчина, чтобы не соблазниться ею), и до самых
последних дней жизни (а умерла она не то чтобы в слишком старом, но и не в слишком
юном возрасте – всего лишь восьмидесяти лет!) она умудрялась крутить какие-то романы и
романчики, наверное, уже лишь платонического свойства, а впрочем, кто ее знает...

И немало находилось мужчин, которые с полным на то основанием могли бы отнести
к себе строки некогда написанных ею изысканных стихов:

Мы тайнобрачные цветы...
Никто не знал, что мы любили.
Что аромат любовной пыли.
Вдохнули вместе я и ты!

Однако дам, которые умудряются до самых последних дней кружить головы мужчинам
(и при этом пишут стихи), не столь уж мало. На самом деле их даже много, просто они тща-
тельно это скрывают, заботясь о такой глупости, как репутация. Или есть еще такое чопорное

слово – реноме. Вот об этом самом реноме глупышки и пекутся неустанно, отчего и оставляют по себе память как об унылых, скучных, серых старушонках, хотя ого-го каким сверкающим шлейфом волнующих слухов и причудливых сплетен могло быть окружено их имя.

Впрочем, особа, о которой идет речь, особа, носящая диковинное имя Тэффи, прославилась не своими собственными любовными историями и даже не посвященными им изысканными стихами, а теми историями, которые выдумывала и рассказывала о других людях, по большей части не существующих. Ибо она была писательницей, невероятно популярной и известной, любимой всеми. И прежде любимой, когда жила в огромной Империи (однажды эта Империя просто-напросто перестала существовать, уничтоженная своими собственными обитателями), и потом, когда вместе со многими осколками этой самой Империи очутилась вдруг в некоем Городке.

«Это был небольшой городок, жителей в нем было тысяч сорок, одна церковь и непомерное количество трактиров.

Через городок протекала речка. В стародавние времена звали речку Секаной, потом Сеной, а когда на ней основался городишко, жители стали называть ее „ихняя Невка“. Но старое название все-таки помнили, на что указывает существовавшая поговорка: „Живем, как собаки на Сене, – худо!..“

Люди зрелого возраста содержали трактиры или служили в этих трактирах: брюнеты – в качестве цыган или кавказцев, блондины – малороссами...

Окружали городок не поля, не леса, не долины – окружали его улицы самой блестящей столицы мира с чудесными музеями, галереями, театрами. Но жители городка не сливались и не смешивались с жителями столицы и плодами чужой культуры не пользовались. Даже магазинчики заводили свои...»

Попадали в этот странный городок по-разному. Хоть он находился далеко от моря, тем паче – Черного, очень многие приплыли сюда именно по черноморским волнам. В их числе и была Тэффи. Что характерно, прежде чем оказаться в Париже, посреди которого, в районе Пасси («на Пассях», как принято было выражаться), основался русский Городок (название это выдумала тоже Тэффи, и она же и описала сей Городок), она, неожиданно для себя самой, побывала (не по своей воле, а занесенная туда весьма студеным и опасным ветром) еще в одном более чем странном городке. Назывался он – Одесса. Там тоже было все не как у людей, а оттого Тэффи не могла забыть свое кратковременное пребывание в нем. Она была убеждена, что каждый человек, приезжая в Одессу, сам становится словно бы чуточку (или даже не чуточку, это уж кому как повезет!) не в себе и со своим уставом в этот чужой монастырь не лезет, а принимает те правила игры, которые навязывают ему этот полубезумный город и его обитатели. Ну, вот, например.

Тэффи отдала в прачечную носовые платки. Да, такая уж это была дама, что и платочка выстирать (*вымыть*, как говаривали в ту пору, когда она осчастливила Одессу своим появлением) себя не затрудняла. Ноблесс оближ! Из значительной семьи петербургского адвоката, имеющая знаменитых родственников (старшая сестра была известной поэтессой, брат – генералом), да и сама личность популярнейшая – нет, ну в самом деле, дюжину платочков ей не осилить. С другой стороны, в гостинице «Лондонская», где она жила, устраивать постирушки было, в общем-то, и негде. И вот Тэффи пришла к прачке и отдала ей свои платочки. Ну а потом, в назначенный срок, конечно, снова пришла, чтобы забрать их. Однако получила не дюжину, а ровно половину.

Ну, разумеется, Тэффи поинтересовалась, не забыла ли прачка, что сдано было в два раза больше...

Не забыла. Однако платки исчезли. Нет их! Видимо, растворились в мыле и горячей воде.

Покосившись на корыто, полное мыльной пены, словно бы в надежде отыскать в нем следы своих прелестных кружевных батистовых платочков, Тэффи сердито нахмурила брови и выразилась в том смысле, что прачка творит сущее безобразие.

Видимо, это получилось у нее не слишком убедительно. Она вообще не любила и не умела сердиться. Гораздо лучше – смеяться самой и заставлять смеяться других!

Так что гнев ее прачку не впечатлил. Она взглянула на Тэффи свысока и изрекла веско, с достоинством:

– Так я же вас за это удовлетворяю!

– Как так? – растерянно поморгала Тэффи своими голубыми глазами, которые на многочисленных фотографиях отчего-то казались темными (а русые волосы казались черными, так что ее многочисленные заочные поклонники воспринимали ее как роковую брюнетку). – Как так – вы меня за это удовлетворяете?!

– Да ведь я же не беру с вас за стирку тех платков, которые я вам не вернула! – раздраженно, словно неразумному ребенку, разъяснила прачка. И вдруг, мигом забыв про бестолковую клиентку, сорвалась с места и ринулась к дверям соседней прачечной, около которых происходила странная сцена.

Оттуда только что выбежал матрос в шапочке с трехцветным помпоном, держа в руках целую охапку белья. Следом выскочили две осатаневшие прачки:

– Управы на них нету! Стой! Может, чужое забрал?

Прачка, которая только что «удовлетворила» Тэффи, попыталась остановить матроса, да где там! Он ринулся огромными скачками куда-то к набережной, и догнать его можно было разве что верхом на добром скакуне.

Тэффи оглянулась и увидела, что у двери почти каждой прачечной – а на этой улице их было несколько – происходило нечто подобное. Матросы с трехцветными помпонами разбирали свое бельишко (а заодно, очень может быть, и чужое) и бежали так, словно за ними черти по пятам гнались.

О, если бы черти! С чертями, пожалуй, можно было бы договориться. На крайний случай – пообещать продать им душу. С теми же, кто гнался по пятам за матросами (а они, надо сказать, потому носили сине-бело-красные помпоны, что это цвета государственного флага Французской республики, то есть солдаты были французами и принадлежали к экспедиционному корпусу Антанты), договориться было невозможно, потому что они сначала стреляли (рубили, резали), а потом уже начинали думать и говорить. И каждый разумный человек, который узнавал о том, что красные подступают к Одессе и вот-вот возьмут город, мог думать только об одном – о бегстве! «Ауспиции,¹ тревожны», как выражался еще буквально несколько дней назад сероглазый красивый губернатор Одессы Гришин-Алмазов, один из поклонников (и даже более того!) Тэффи, разрывавший сердце между нею, очаровательной и веселой, и известной актрисой немого кино Верой Холодной, тоже очаровательной, но печальной² пока внезапно не исчез неведомо куда...

Еще бы! Исчезнешь небось! Ведь эти самые ауспиции стали более чем тревожны!

Антанта спешно уводила свои войска, и именно поэтому засуетились матросы с помпонами. Все многочисленные обитатели «Лондонской» и других гостиниц, занесенные в Одессу тем же немилосердным ветром, что и Тэффи (это был не какой-нибудь там торнадо, или сирокко, или мистраль, а кое-что гораздо хуже – ветер революции... нет – ураган революции!), спешно упаковали чемоданы и ринулись дальше, гонимые тем же кошмарным вет-

¹ Так называли свои пророчества жрецы-предсказатели Древнего Рима, гадавшие по полету и крику птиц, по небесным явлениям и т. д.

² «И звезды любить умеют». Об этой истории можно прочитать в книге Елены Арсеньевой.

ром. Дальше дорога лежала только прочь из России. В Константинополь, например. На чужбину...

«Вот это да! – ошеломленно думала Тэффи. – Поехала всего на один месяц в Киев в гастрольную поездку, искушенная болтливым антрепренером с псевдонимом Гуськин, – однако на Киев наступали большевики, и вот качусь вниз по карте, и гонит меня судьба куда хочет, и докатила до самого моря. Теперь захочет – в море загонит, захочет – по берегу покатит. В сущности, не все ли равно?..»

Впрочем, многие оставались в Одессе. Это были коренные одесситы, которых из родного города совершенно невозможно было вытащить, выгнать, выкорчевать. Они, пожалуй, согласились бы покинуть его... но только в том случае, если бы могли прихватить с собой в каком-нибудь волшебном чемоданчике кусочек Дерибасовской улицы, и кафе «Фанкони», и часть Александровской набережной с памятником дюку Ришелье и знаменитой Потемкинской лестницей (а также желательно с Ближними Мельницами, Фонтаном, Молдаванкой и катакомбами!). Но поскольку осуществить сие было никак невозможно, одесситы оставались в Одессе. Однако суета эвакуации коснулась и их.

В этом Тэффи не замедлила убедиться, встретив знакомую одесситку – очень возбужденную и даже радостную:

– Голубчик! Ну, вы же мне не поверите! Плотный, как кожа! Спешите скорее, там уже немного осталось!

– Чего? Где?

– Крепдешин. Ну прямо замечательный! Я себе набрала на платье. Чего вы удивляетесь? Нужно пользоваться. Дешево продают, потому что все равно большевики отберут. Бегите же скорее! Ну?

– Спасибо, – пробормотала Тэффи. – Но, право, как-то нет настроения.

– Ну, знаете, лавочник ждать не станет, пока у вас настроение переменится. И, верьте мне, что нас ждет – неизвестно, но зато известно, что крепдешин всегда нужен!

Тэффи стало не по себе. Крепдешин... Давненько она не слышала этого волшебного слова! В Петрограде и Москве приходилось шить белье из... чертежной кальки. Знатоки чертежного дела ее неведомым образом отмачивали, и получалось что-то вроде батиста. А как-то раз к Тэффи подошла одна дама и сказала вечно-женственно:

– Как вам нравится мое платье?

Платье было, как показалось Тэффи, сшито из очень скверной кисеи. Конечно, Тэффи сказала, что оно очень мило – а кто на ее месте поступил бы иначе? И тут обрадованная дама сообщила, что платье-то сшито из аптечной марли!

– Конечно, она, может быть, не очень прочная, немножко задерживается, но недорогая и широкая. Теперь уже такой не найдешь – всю расхватили. Осталась только йодоформная, но та хотя и очень красивого цвета, однако плохо пахнет.

Тэффи выразила сочувствие. И дама рассказала, что ее племянница купила в аптеке перевязочных бинтов – «очень хороших, с синей каемочкой» – и отделала ими вот такое платье:

– Знаете, нашла полоски на подоле, и, право, очень мило получилось. И гигиенично – все продезинфицировано.

Вот так-то! Калька, марля, бинты... А Тэффи пренебрегает крепдешинком, плотным, как кожа! И, очень возможно, она соблазнилась бы им, однако обнаружила, что, пока она размышляла, одесситка убежала, так и не сказав, где он продается.

Тэффи пошла дальше, как вдруг из какой-то парикмахерской выскочила знакомая москвичка:

– Безобразие! Жду три часа! Все парикмахерские битком набиты... Вы уже завились?

Тэффи померещилось, что она ослышалась. Завилась? В каком смысле?!

– Так о чем же вы думаете?! – почти с ужасом уставилась на нее знакомая. – Ведь большевики наступают, надо бежать! Что же вы так, нечесаная, и побежите? Зинаида Петровна молодец: я, говорит, еще вчера поняла, что положение тревожно, и сейчас же сделала маникюр и ондулясьон.³ А сегодня все парикмахерские битком набиты. Ну, я бегу...

Все бежали! Все держали путь к морю, ибо покинуть Одессу можно было только морем!

Тэффи оглянулась, окинула взглядом гавань. Сколько труб, сколько парусов!

Он ночью приплывет на черных парусах.
Серебряный корабль с пурпурною каймою.
Но люди не поймут, что он приплыл за мною.
И скажут: «Вот луна играет на волнах...»

Нет, этого прекрасного и пугающего корабля, о котором Тэффи когда-то сочинила стихи, пока не видно. И слава богу. Однако ни на какой другой у нее нет билета, ни на одном не зарезервирована каюта. Такое впечатление, что все знакомые сумели вовремя позаботиться о себе. Но, что характерно, никто и не думал позаботиться о той, кому всего лишь несколько дней назад клялись в любви, дружбе, преданности, о которой обещали позаботиться, зная ее непрактичность и неумение в жизни «устраиваться», хлопотать...

Впрочем, она была так знаменита, что раньше в ее жизни все устраивалось как бы само собой. Даже царь («Подчеркиваю – царь!» – как выразился бы Гришин-Алмазов... Ах, где же его тревожные серые глаза, на кого теперь мечут победительные взгляды... а может быть, уже и закрылись навеки?!) предпочитал ее *всем остальным* российским писателям! Когда составлялся юбилейный сборник к 300-летию царствования дома Романовых, издатели почтительно осведомились у Николая II, кого из писателей он желал бы видеть в этом сборнике. Император ответил:

– Тэффи. Одну только Тэффи. Никого, кроме нее, не надо.

Тэффи – это был, конечно, псевдоним. Ее часто спрашивали, что это за словечко такое чудное она выдумала. И Тэффи, которая обожала мистифицировать публику, рассказывала, что у нее был некогда безумный роман с одним иностранцем по фамилии Тэффи. Они даже, дескать, заключили тайный брак: заключить явный было невозможно, потому что тогда иностранец не получил бы баснословное наследство от дядюшки-магараджи... Ну да, он был, кажется, наполовину индеец... Но господин Тэффи внезапно умер от сямской лихорадки в своих ямайских джунглях (видимо, он был наполовину сиамец, а может, и ямаец), осчастливив дядюшку-магараджу, который немедля промотал свое баснословное состояние с молоденькими красотками в парижских кабаре... В другой раз она говорила, что назвалась так в честь старого слуги Стефана, которого у них в доме звали Стэффи. Но чаще всего объясняла, что «родоначальником» ее псевдонима был любимый писатель Киплинг. У него же в сказке «Как было написано первое письмо» есть героиня – маленькая девочка Тэффи, и это имя «в переводе с доисторического языка» означает: «Девочка-которую-нужно-хорошенько–отшлепать-за-то-что-такая-шалунья».

³ То есть завивку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.